

Английский язык

Библиотека в школе

Биология

География

Дошкольное образование

Здоровье детей

Информатика

**Воспитание
Образование
Педагогика**

№5/2006

Искусство

История

Литература

Математика

Начальная школа

Немецкий язык

Русский язык

Спорт в школе

Управление школой

Физика

Французский язык

Химия

Школьный психолог

**ВЯЧЕСЛАВ БУКАТОВ,
МАРИЯ ГАНЬКИНА**

Школьные КОНТРОЛЬНЫЕ

Режиссура школьной
повседневности
в невыдуманных рассказах,
неожиданных советах
и нескучных рекомендациях

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 5

**Вячеслав Букатов,
Мария Ганькина**

ШКОЛЬНЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ

*Режиссура школьной повседневности
в невыдуманных рассказах, неожиданных советах
и нескучных рекомендациях*

Москва
Чистые пруды
2006

Содержание

Напутствие читателям	4
КОНТРОЛЬНАЯ ДОЛЖНА ПРОХОДИТЬ БЕЗ СЛЕЗ	5
<i>И вызывать у учеников не страх, а искренний интерес</i>	
Ловушки враждебности	5
В чьих, собственно, интересах?	5
Смени привычную мизансцену	6
КОНКУРС ШПАРГАЛОК КАК ПРОФИЛАКТИКА СТРЕССА	7
<i>Неожиданный ход от учителя географии и физики С.Банникова</i>	
Случайная идея – 7. Образцы “шпор” – 8.	
Парадокс как перспектива – 9.	
КОНТРОЛЬНЫЕ СОБСТВЕННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ	9
<i>Когда диктанты придумывают, проводят и проверяют сами ученики</i>	
Со второй попытки – 10. На полном серьезе – 10.	
Примеры диктантов – 11.	
ЗАЧЕТ НАИЗНАНКУ	12
<i>Парадоксальный способ углублять усвоение материала</i>	
Фундаментальные вопросы	13
Тянем жребий	14
Твоя моя не понимай	15
Не подвести бы своих	16
СИСТЕМА УРАВНЕНИЙ...“НА ДРУЖБУ” В КЛАССЕ КОРРЕКЦИИ	17
<i>Письмо учительницы математики С.Пырьевой</i>	
ДИКТАНТ ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ, С УГЛУБЛЕНИЕМ, УСУГУБЛЕНИЕМ И ЗРИТЕЛЬНО-СЛУХОВЫМИ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯМИ	19
<i>“Педагогическая страшилка” от М.Ганькиной</i>	
Традиционный жанр	19
Под шелест фольги	20
С грузинским акцентом	21
Песочные часы	22
Кроме почерка	22
“И ВОТ ТУТ-ТО И НАЧАЛОСЬ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ”	23
<i>Письмо учительницы словесности Т.Пакуловой</i>	
“СДАЧА СТИХОВ НАИЗУСТЬ”	25
<i>Мизансцены нескучного урока от М.Ганькиной</i>	
Параметры оценки	25
Подсказы телом разрешены	26
“ПРОВЕРЯЙ, НО... ДОВЕРЯЙ”	28
<i>Из письма учительницы химии Е.Кадужиной</i>	
ВМЕСТО ЗУБРЕЖКИ	30
<i>Совет М.Егоровой, как “сдавать” таблицу умножения и Таблицу Менделеева без слез</i>	

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

Как только учитель ставит себя в позицию контролера (детских работ, пониманий, знаний, умений и т.д.), он сразу превращается в чербера. При этом на свою же голову. Потому что у детей тут же начинают нагнетаться различные страхи. А страх – плохой помощник в любом деле. Так что результаты контрольной вполне могут оказаться хуже, чем могли бы быть. И учитель нередко воспринимает это болезненно. Ему так и кажется, что любой из коллег вот-вот спросит: “А где же твоя результативность, эффективность и качество образования? Где?..” И даже если косые взгляды коллег всего лишь плод фантазии учителя, его это ой как нервирует, тем самым подталкивая на путь заругивания и запугивания учеников. А то и вовсе на какой-нибудь обман, подлог, подтасовку.

Получается замкнутый круг. Ученики написали плохо, потому что боялись написать плохо. И учитель, вместо того чтобы освободить учеников от страха, своим контролем нагнетает его. А все потому, что сам боится контроля по отношению к себе.

Чтобы выпутаться из этой паутины, попробуйте взглянуть на очередную контрольную работу (письменную или устную) с птичьего полета и вспомнить, что любая (в том числе и годовая!) контрольная – это всего лишь рабочий этап освоения учениками нового материала. Всего лишь один из видов обратной связи по ходу вашего совместного движения вперед. А вовсе не капитальная остановка с подведением окончательных итогов успеваемости (в том числе и учителя: кто успел – тот и съел).

Вся штука в том, что учителю нужно учиться освобождаться от вульгарной установки “всё и вся” контролировать и не передавать по эстафете свой собственный страх. Лучше внимание направлять не на контроль, а на свою главную профессиональную задачу – учение с увлечением. Тогда и контроль не будет мешать продвижению учеников к пониманию материала. Наоборот, из привычного способа ловить учеников на незнании любая контрольная работа превратится в возможность вывести своих учеников на трамплин, с которого они могут взлететь.

Вячеслав Букатов и Мария Ганькина

КОНТРОЛЬНАЯ ДОЛЖНА ПРОХОДИТЬ БЕЗ СЛЕЗ

*И вызывать у учеников не страх,
а искренний интерес к своим возможностям*

Конечно, дети склонны преувеличивать значимость своих мимолетных желаний. Поэтому во время контрольной работы, когда у них нет возможности обговорить с товарищем по парте тот или иной вариант заданного, возникает психологический дискомфорт, который у некоторых учеников иногда выливается в конфликтное поведение (обиды, замкнутость, отказы, демонстративные протесты).

Во время конфликта призывать детей к “сознательности” напрямую бесполезно. Более целесообразно, если учитель, используя свои профессиональные знания, умения и выдумку, сам пойдет навстречу возможной неуверенности детей, выстраивая для них некую комфортную ситуацию. Для этого учителю нужно так подойти к режиссуре предстоящей контрольной, чтобы ее организация помогала даже слабым ученикам обнаруживать в себе не столько какие-то тривиальные страхи, сколько искренний интерес к своим явным или еще скрытым возможностям.

ЛОВУШКИ ВРАЖДЕБНОСТИ

Жаль только, что некоторые учителя то и дело позволяют себя загонять в коварные ловушки ситуативной враждебности. Учиняют разносы за списывание, за неверное решение, за низкую отметку. Оставляют после уроков. Лишают каких-то поощрений (возможно, кстати, вполне заслуженных). Вызывают родителей. Идут к классному руководителю или администрации и т.д.

Коварство злополучной ловушки заключается в примитивном понимании учителями прав и обязанностей – и своих собственных, и детей. Примитивизм этот заключается в барственном ожидании от учеников полнейшего послушания и прилежания – в расчете на то, что дети, неукоснительно выполняя педагогические указания, тут же молниеносно и как-то сами собой обучатся, воспитаются и все как один загорятся желанием продемонстрировать, что все изреченное учителем усвоено ими на всю оставшуюся жизнь. Как будто, если ученик правильно выполнит все пункты контрольной, наступит полный триумф педагогики, и учителю останется умыть руки и отправиться спокойно спать!

В ЧЬИХ, СОБСТВЕННО, ИНТЕРЕСАХ?

Если же учитель уверен, что в любой ситуации можно обнаружить хоть какую-нибудь общность своих педагогических и детских ситуативных интересов, он спокойно (то есть деловито и дружелюбно) начинает вос-

принимать и отказ того или иного ученика, и его каприз, и его ошибки, и прочие проявления его настроения, самочувствия или характера. Он начинает понимать, что все детские оплошности, погрешности, баловство – это не досадные препятствия на пути достижения его учительского счастья, а необходимое условие для профессионального роста.

Профессиональный учитель должен не только понимать, что все “антипедагогические” желания детей на уроке – подвигаться, увлеченно поиграть, самостоятельно потрудиться, пошутить с соседом – вполне естественные, но и разделять их вместе с детьми. Точнее, принимать к исполнению, помогая воспитанникам подыскивать какой-то способ для осуществления этих нормальных детских желаний.

Перед каждым уроком (а уж перед контрольной работой тем более) учителям полезно лишний раз призадуматься: в чьих же интересах всё затевается? И если на уроке реализуются только некие “дидактические” (или административные) цели и не учитываются, не реализуются жизненные интересы самих учеников (в их возрастной, индивидуальной и коллективной специфике), то урок неизбежно будет наводняться различными элементами насилия. И уже именно насилие начнет определять степень того или иного педагогического эффекта, который точнее было бы называть педагогическим дефектом.

Если же секундный характер детских интересов и устремлений учитель умеет на своих уроках максимально использовать, то ему даже на контрольной работе удастся развернуть настоящую учебно-познавательную деятельность, в которой дети и “учить себя” (учить-ся), и “воспитывать себя” (воспитывать-ся), и “контролировать себя” начинают добровольно, без каких-либо драконовских мер.

СМЕНИ ПРИВЫЧНУЮ МИЗАНСЦЕНУ

Знакомая учительница химии, столкнувшись с тем, что десятиклассники, не выучив заданного на дом, отказываются писать пятнадцатиминутную самостоятельную работу, решила поменять свои планы (а заодно и сидячий стиль обучения). И вместо контрольной объявила “скоростную эстафету по рядам”. Ученикам каждого ряда нужно было по очереди подбежать к доске и написать в столбик по одной химической формуле (любой – из органики или неорганики, трудной или легкой – лишь бы правильно). И еще одно условие: если формула уже на доске написана соседями, то повторять ее нельзя.

Задание легкое – все кинулись в бой. Как только один садился на свое место, к доске бежал следующий. Победителей устанавливали дважды. Первый раз – какой ряд быстрее, второй – какой грамотнее.

Для этого каждому ряду по жребию был определен *не свой* столбик формул, и ученики, собравшись (по рядам) в кружок, выясняли недочеты, исправляли на доске ошибки, подсчитывали суммарный итог, используя коэффициент “х2” за формулы из последней учебной темы, и сообщали свою оценку проверяемому ряду (заметьте, не учительнице, как это бывает обычно!).

В результате на уроке не только сменилась привычная мизансцена, но и негативные настроения в классе поменялись на позитивные (так что после шумной эстафеты класс с энтузиазмом занялся изучением нового учебного материала). И дети довольны, и учительница, у которой таким вот неожиданным образом оказалась проведена запланированная накануне контрольная проверка.

КОНКУРС ШПАРГАЛОК КАК ПРОФИЛАКТИКА СТРЕССА

Неожиданный ход от учителя географии и физики

Сергея Банникова (Москва)

Вроде бы шпаргалка – явный вред, поскольку ученик надеется не на свои силы. С другой стороны, составление шпаргалки может быть весьма продуктивным вариантом подготовки ученика к экзамену, контрольной и так далее, поскольку является каким-никаким, а конспектом. Ведь изготавливая шпаргалку, приходится знакомиться с материалом как минимум дважды: первый раз – чтобы получить общее представление о содержании, второй – при его конспектировании. Только освоив азы написания конспекта, можно составить грамотную, толковую шпаргалку.

Случайная идея

Второй год подряд в старших классах провожу конкурс шпаргалок. Это объясняется устоявшимся именно в старших классах отношением к учению как к процессу добывания знаний, куда входит психологическая готовность к альтернативным формам обучения и освоения навыков работы с источниками информации.

Идея конкурса возникла совершенно случайно и принадлежит отнюдь не мне, а была подхвачена из одной телевизионной передачи, где преподаватель какого-то института рассказывал о своей коллекции шпаргалок, собранных за период работы. Я спросил себя: “А почему бы мне на уроках не проводить конкурсы шпаргалок?”

Поначалу моя затея повергла ребят в шок. Разве подобное возможно? И почему вдруг именно шпаргалки?... Для себя я ответил на эти вопросы так: подобный конкурс позволит учителю быть в курсе новейших изобретений в области шпаргалок. А необходимость работы явится дополнительным средством мотивации детей к учению. Ведь при разборе разных вариантов шпаргалок каждый участник кон-

курса будет делиться опытом составления краткого конспекта (каковым является “шпора”) и его применения на деле.

Сначала некоторые ученики приняли объявление о конкурсе как шутку или как подвох. Но когда на следующем уроке я на полном серьезе затеял обсуждение условий предстоящего зачета-конкурса, все сомнения развеялись.

Критерии оценки работ оказались такими: соответствие подобранного для шпаргалки материала изучаемой теме; полнота освещения темы; качество камуфляжа; остроумность авторского решения.

Когда оговаривали объем материала, я чуть-чуть схитрил и намеренно увеличил объем учебного материала. Это чтобы заставить ребят делать выборку: классифицировать и синтезировать материал, отсекал лишнее, оставляя только самое важное.

Победители конкурса награждались отметками в журнал. Причем класс сам должен был выбрать три *самые-самые* “шпоры”. Кстати, обиды на то, что оценки поставлены не всем, не было и в помине. Ведь эмоциональный настрой во время конкурса, как мне кажется, был таков, что оценка не являлась основным мотивом деятельности. Когда в педагогике оценка отходит на второй план и главным становится заинтересованность в работе, то результативность обучения в целом повышается.

Разумеется, использование шпаргалки не является панацеей от плохой оценки за контрольную. Но оно дает ребенку возможность опираться на собственные силы, а учителю – сделать очередной шаг в формировании у учеников стабильной положительной мотивации к учению.

Парадоксом для меня поначалу было то, что потом, при проверке контрольной работы по этому материалу *без* использования шпаргалок (они ведь все были добровольно отданы на конкурс), результативность работы стала на порядок выше, чем обычно. Почему? Очевидно, потому, что подготовка к контрольной шла через задание, заинтересовавшее ребят.

Образцы шпор

В этом учебном году на конкурс были представлены 30 шпаргалок. Что продолжает поражать – так это полет конструкторской фантазии ребят (а ведь развитие в детях творческого начала является, как известно, одной из важных задач обучения). Образцы почти не повторялись!

Вот некоторые из них.

“*Книжечка*”. Размер зависит от места “закладки”. Место может быть произвольным: от футляра из-под очков до браслета от часов.

“*Веер*”. Прикрепляется к ножкам циркуля либо измерителя.

“*Трубочка*”. В качестве контейнера используются: шариковая ручка, корешок учебника и так далее.

“*Кольцо*”. Размещается под кольцом на пальце.

“*Стелька*”. Закрепляется на подошве ботинка. Положив ногу на ногу, можно считать информацию.

“*Ластик*”. Ластик разрезается пополам, шпора вкладывается в прорезь.

“*Часы*”. Вместо рисунка на циферблат наносится информация.

“*Невидимка*”. Лист с текстом прикрепляется заколкой “невидимкой” к распущенным волосам.

“*Ноги*”. Текст наносится на окрашенные лаком ногти.

“*Плеер*”. Текст воспроизводится через наушник. Шнур с наушником пропускается через рукав и прячется в ладони или в распущенных волосах.

“*Очки*”. На стекла очков наносится текст. При размещении очков на светлой поверхности текст легко считывается.

“*Цветочный горшок*”. Ученик, сидящий рядом с подоконником, заблаговременно наносит текст простым карандашом на цветочный горшок.

“*Сигарета*”. Свернутый трубочкой листок с текстом камуфлируется под сигарету.

По мнению ребят, победила шпаргалка-“сигарета”, которую автор лихо засунул за ухо. Победитель конкурса получил зачет-автомат.

Проведение подобных конкурсов не только укрепляет непринужденную атмосферу делового сотрудничества между учителем и учениками, но и повышает интерес к предмету (а значит, и качество знаний).

Парадокс как перспектива

Примечательно, что пользуются шпаргалками в основном хорошисты и отличники. Подобное открытие я сделал для себя, поговорив с ребятами и выяснив, кто постоянно пользуется шпаргалками. Больше всего поразило то, что процент успешных учащихся среди пользователей шпаргалок доходит до 90%. Парадокс!

А ответ, оказывается, прост, как этот мир: “Родители хотят хороших оценок”, “Для поддержания имени”. Если троечник выработал своеобразную психологическую защиту от неудач, то отличник в большей степени подвержен психологическим срывам из-за боязни потерять статус или из-за ситуационного невезения.

Ну как тут учителю не помочь своим ученикам прийти к убеждению о временном характере неудач, к уверенности в собственных силах, вере в положительный результат.

КОНТРОЛЬНЫЕ СОБСТВЕННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

*Когда диктанты придумывают, проводят
и проверяют сами ученики*

Время от времени я (Мария Ганькина. – *Прим. ред.*) задавала на дом сочинить собственный диктант на то или иное правило орфографии. Потом на уроке дети сами же и диктовали эти свои диктанты одноклассникам.

Тетрадки проверяли и отметки ставили тоже сами авторы. Предварительно, правда, проработав собственные ошибки и заверив у меня очередной вариант текста на отсутствие оных (у некоторых, надо сказать, это получалось только с третьего захода).

Со второй попытки

Но предварительно тексты диктантов заверяли сами одноклассники. Устраивались читки, с тем чтобы класс на слух мог определить, во-первых, есть ли в нем слова с нужными орфограммами, во-вторых, не “зашкаливает” ли количество предложений (а оно было строго ограничено десятью) и, в-третьих, членораздельно ли звучит текст.

Случалось, что автор не мог и первое предложение дочитать до конца: либо написано “левой задней”, либо так, что “моя твоя не понимай”. Что ж, жаль. Но раз сам себя прочитывать не можешь – диктовать и подавно. Перепиши, порепетируй и выходи на авансцену еще раз.

Диктовать диктант классу считалось престижным, поэтому выходили. Со второй попытки текст обычно утверждался ученическим голосованием (не мне же его писать – не мне и утверждать!), и “где-нибудь на следующей недельке” обязательно находилось время (8–12 минут урока), чтобы очередной автор продиктовал свой диктант классу.

За пару недель обычно получалось диктантиков десять. Не все претендовали даже после получения “допуска”: это ж надо выйти на новую “степень риска”.

На полном серьезе

Помню, что к рукодельным диктантикам все в классе относились совершенно серьезно. Новоиспеченный “учитель” деловито выходил к учительскому столу, приосанивался, прокашливался и начинал диктовку.

К настоящей игре у детей – и младших, и старших – всегда очень серьезное отношение. И взрослому, который предлагает игру, ничего не стоит обмануть детское доверие. Мне было достаточно, например, один раз взять судейство на себя, или разок самой проверить диктанты, или перепроверить авторскую проверку, или влезть в процесс диктовки со своими поправками, или продиктовать самой текст заболевшего Андрюшки, чтобы игровая ситуация из подлинной превращалась в поддавки, когда дети всего лишь подыгрывают раздухарившемуся учителю.

А чем же заняться учителю, пока ученики заняты диктовкой? Законный вопрос. Тоже делом, наверное. Если взрослому интересно и важно что-то понять про детей: про кого-то конкретно или про класс в целом, то у него есть уникальная возможность понаблюдать за тем, что происходит. Надо только справиться с одолевающим учителя педагогическим зудом и занять свето-теневую позицию.

Но вот Ксюша (это она была сегодня в роли диктующего учителя) собрала тетрадки, и наступает самое приятное и ответственное. Ученики страсть как любят что-нибудь проверять в чужих тетрадках.

Авторские отметки я, конечно, выставяла в журнал. И я, и ребята – мы доверяли проверяльщикам.

В классе была налажена работа в сменных группах, поэтому отношения между детьми были по-деловому дружественные, а значит, сведение счетов посредством отметок как-то само собой исключалось.

Примеры диктантов

Вот какими у Ксюши получились 10 предложений с использованием глаголов с чередованием *бер/бир, мер/мир, тер/тир, лаг/лож* и *кас/кос*.

ВИНЕГРЕТ. *Иду на рынок, отбираю свеклу (побольше, покрупнее). Иду обратно. Захожу домой и ставлю ее вариться. Где-то часик необходимо покоситься на газ, а то произойдет взрыв. Выключаю газ. Протираю стол перед готовкой. Еще необходимо отложить горох, высыпать его в салатницу и потереть свеклу. Ах да, совсем забыла, необходимо отмерить салатницу, чтобы подходила для вашего кушанья. Потом все это смешать. Вот и получается простой винегрет!*

Предложений – 10. Глаголов – 6. Но в инструкции их количество и не оговорено. Другое дело, что слово “покоситься” не могло появиться на дереве с корнем *кас/кос* (касаться, коснуться и пр.). Оно с другим корнем – *кос* (косой, косить и пр.). И никакого чередования гласной в этом корне нету. А есть безударная гласная, которая к тому же проверяется ударением. (Интересно, сколько учеников заметят все это при написании диктанта, а заметив, что предложат взамен?)

Ага, вот они, мои отступления от учебника, где всплыли! В учебнике традиционно – *кас/косН!* Некорректно: **Н** ведь кусок очень даже узнаваемого и продуктивного суффикса **НУ** (однократность действия) – вот я и лишила детей этой подсказки. Ладно. Спасибо, Ксюша, за ошибку – ты подарила нам возможность в этом месте копнуть поглубже. Завтра можно, например, предложить детишкам по эстафете побегать к доске и попририсовывать листочки-слова на оба дерева – и с корнем *кос*, и с корнем *кас/кос*. А потом предложить поискать недоразумения – “огурцы на баобабе”, как назвали в классе слова, которые “не с этого дерева”.

Вот, например, еще один “огурец” из Ксюшиного диктанта – *отмерить* (мерка, замерять и пр.). Тут корень *мер*. Это слово не могло вырасти на дереве с корнем *мер/мир* (замирать, умер и пр.). А еще есть корень *мир* (примирять, мириться и пр.). Вот так удача! Вот завтра с этими тремя корнями и “покувыркаемся”.

А потом все три дерева появятся у каждого в личной “орфографической оранжерее”.

А вот что получилось у Веры:

ЗАНЯТИЕ СНИКЕРСЕНКА. *На одной никому не известной планете Сникерс жил и живет сейчас сникерсенек (он сам себя так называет). Он живет совсем один, не считая ста буряк, двухсот панафутиков, трехсот фрюколбасиков и нескольких тысяч швюриков (они самые частые).*

Он очень аккуратный. Весь день суматоха: он чистит, моет, все время что-то убирает, обратно кладет, протирает кратеры, потом подбеливает в них лаву. Уложит спать всех буряк, панафутиков, фрюколбасиков и швюриков (на что у него уходит шесть часов) и сам ложится спать.

Наутро начинается новая ссора: мол, какой-то там буряк выбросил любимые шортики швюрика в ближайшую лаву. Тут опять сникерсенек все быстренько наладит, шортики швюрика выловит, померяет и шутку какую-нибудь придумает, чтобы посмеяться немного.

Ой, пора еду готовить! Пойдет сникерсенек, покосит розьж, протирет, гляди – и еда готова!

Вот что значит жить на Сникерсе: сплошная уборка, стирка и готовка!

Предложений – 10. Отлично. Вот только у Веры те же недоразумения – *покосит* и *померяет*. Неспроста. Может, Ксюша с Верой посоветовались? Так или иначе, а узкое, значит, это место. Тем более надо бы с ним повозиться.

P.S. Диктанты уместны не только на уроках русского языка. Сочинять тексты диктантов ученики могут и на материале других предметов: истории, географии, биологии. А по физике, математике или химии – изготавливать словарные диктанты на терминологию. Только, уважаемые товарищи предметники, не забудьте, предварительно договорившись с учителем словесности, надоумить детей, чтобы они заверяли у него “на грамотность” тексты своих диктантов.

ЗАЧЕТ НАИЗНАНКУ

Парадоксальный способ не столько контролировать усвоение материала, сколько его активизировать и углублять

Помню, позвала я (Мария Ганькина. – *Прим. ред.*) в свой шестой класс вести географию Вадима Федоровича – настоящего ученого, но вот в школе работающего недавно. Так что в его учительском арсенале не было ни способов организации урока, ни хорошо поставленного голоса, ни отметок, ни учебников с обязательным домашним заданием. Ну и мои детки, очень Вадима Федоровича любя, периодически садились ему на шею. Рассказывал он замечательно интересно, но что из его монолога слышали дети? Меня это стало беспокоить.

Прошел месяц. И я предлагаю Вадиму Федоровичу провести зачет по тому объему материала, что он им дал. С настоящей отметкой в журнал. Но зачет будем сдавать мы – трое взрослых людей. Пусть дети нас научат, и какую отметку каждый из нас заработает у доски – такую и получит в журнал та группа, которая каждого из нас обучала.

Вадим Федорович опешил, но согласился. Он понял, *что* эта работа ему сулит – узнать, что делается у каждого из его учеников в голове.

Вадим Федорович объявил детям, что на следующем уроке будет зачет по всему, что он им рассказывал. Никаких конкретных вопросов для подготовки. Только приблизительный круг тем: Галактика – Солнечная система; звезда – планета – спутники.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Вадим Федорович разделил моих шестиклассников на группы по пять-шесть человек случайным образом. Потом назначил каждой группе по одному из нас, некомпетентных в данной конкретной области знаний. Этими некомпетентными были мы, учителя нашей школы: Сергей Евгеньич – учитель музыки, я – Мария Ганькина, словесник, в прошлом учитель начальной школы (кстати, у этих самых шестиклашек), и Ольга Петровна, учитель английского (все у тех же детей).

Вадим Федорович еще раз обозначил круг вопросов, которые надо было до нас донести, разрешил пользоваться чем кому угодно, и группы разбежались по углам.

Мы сидели у двери. Одни наперебой меня обучали, другие были на побегушках: что-то посмотреть, вспомнить, сбегать за энциклопедией. Помню, что очень бойко отбарабанили, на каком расстоянии от Солнца что находится. А я гнула свою линию. Они: “Вот Солнце...” А я сразу: “А Солнце – это что? Планета, звезда или спутник?” И в таком духе. Элементарные же вопросы! Но фундаментальные. В них-то все и упирается. Мне было важно обнаружить непонимание, а там уж пусть Вадим Федорович разбирается. С цифрами-то у них все в порядке. А вот откуда что берется...

Ольга Петровна:

– Мне развернули какую-то интересную штуку, что будто бы Галактика – тарелка. В форме лепешки. Где-то с краю – Солнечная система. Если на нее посмотреть так, то будет так. А если эдак... И нарисовали...

Мне кажется, не будь этого зачета, так и не обнаружилось бы у некоторых детей непонимание основ. Да и как обычно в школе? Прочли параграф. Потом один дает парадный ответ у доски. Остальные радуются, что не они...

В своем “парадном ответе” я старательно обнародовала всю чушь, которую мне наговорили. Правда, произносила ее самым ехидным голосом, на какой только была способна. Чтоб в классе не вздумали принять ее за прав-

ду! (Училка – она и есть училка.) Вот так всему классу стало очевидно, что меня обучили плохо. На хилую троечку.

В результате моя группа схлопотала каждый по тройке в дневничок и журнал. Мои “учителя” досадовали на мою нерадивость. Когда прозвучали правильные ответы, они мне пеняли: “Мы ж вам всё так и объясняли! А вы-ы?!”

ТЯНЕМ ЖРЕБИЙ

Идея зачета наизнанку оказалась заразительной. Теперь уже опытный физик, Владимир Александрович, решил апробировать зачет-перевертыш. Удивительно, как это он пошел на такое. Вроде бы нужды у него не было. Годами отработанный стиль, образцовые ученические конспекты, дисциплина... Хотя все же была и у него своя нужда.

Дело в том, что Владимир Александрович – очень хороший, мощный учитель физики, до этого работавший только в старших классах. Зная (помня!), какие мучения предстоят моим детям с физикой, когда она у них начнется, я зазвала Владимира Александровича в свой класс (когда он был еще пятым) с тем, чтобы он заложил в моих ребят основы всех главных разделов физики, этого труднейшего для понимания школьного предмета. Чтобы сформировать правильно фундаментальные понятия. Получилось что-то вроде пропедевтического курса раз в неделю.

Владимир Александрович долго отмахивался от моего предложения, мол, не умею с малышней. Но потом вошел во вкус. И даже хвастался, что в нашем пятом и своих десятых классах объясняет один и тот же материал. Не раз говорил, что в пятом идет легче: не приходится бороться со штампами, да и соображают они подчас лучше. А пройдя с ними оптику и электричество, и вовсе стал утверждать, что мозг пятиклассника принципиально способен воспринимать даже самые сложные физические понятия.

И вот шестой класс. Конечно, Владимиру Александровичу интересно, что остается у них в головах. Не иллюзии ли он питает? Ну и, конечно, ему хотелось, чтобы и мы оценили по достоинству его работу.

Владимир Александрович заранее (за две недели до зачета) огласил список сакраментальных тем. Тетрадами пользоваться на зачете поэтому было нельзя.

На этот раз зачет пришли сдавать только двое учителей – Сергей Евгеньич Савельев и я (Ольга Петровна позже пришла и наблюдала всю эту картину уже со стороны). У Савельева, несмотря на музыку, за плечами технический вуз, у меня же – довесок к филфаку в виде полутора курсов МИФИ. Так что по части физики мы были не совсем чистыми листами.

Недостатки предыдущего зачета были учтены. Владимир Александрович разбил ребят на две группы случайным образом и предложил тянуть бумажки... (Жребий – это принципиальный момент. Одно дело учитель, другое – судьба. Так карта легла. Попробуй потом в случае неудачи пенять на учителя: мол, это он нам такой вопрос задал, что ответить было просто невозможно.)

ТВОЯ МОЯ НЕ ПОНИМАЙ

На зачете меня поразило, как много дети знают. Мы сидели у окна, и мне объясняли параллельное и последовательное соединение проводников. Я это когда-то хорошо знала. Но напрочь забыла. Карта легла так, что мне достались одни слабаки, а Савельеву – сплошные гиганты мысли. Они там все передрались: кто будет просвещать Савельева? В конце концов Никита с Ксюшей взяли все в свои руки, позволяя остальным лишь дополнять свои объяснения.

А из моих безгласных принял огонь на себя маленький Паша, о котором Владимир Александрович говорил как о пичужке: серенький такой, ничего не может сказать, ничем себя не проявляет. А тут он так уверенно и толково взялся за дело, что сразил меня совершенно. (Когда я потом поведала о Паше Владимиру Александровичу, то это было для него настоящим открытием!)

А Пашкин приятель Андрюшка, “слабачок”, тоже очень суетился, пальцем в листочек тыкал и повторял за Пашкой концы предложений. В общем, полное впечатление, что он и сам что-то понимает. И то хорошо! Не ведет партизанскую жизнь, как на остальных уроках физики, а при деле – говоря словами Е.Е.Шулешко, “сохраняет образ толкового ученика”.

А я, в свою очередь, старательно делала вид, что ничего в толк взять не могу. Преследовала свои корыстные интересы: хотела, чтоб они мне еще разок объяснили, да поподробнее и потолковее. А потом я прилежно пересказывала им их же объяснения про параллельное и последовательное соеди-

нение проводников, чтобы получить от них оценку: так или не так я все поняла?

Помучились они со мной! “Ну не понимаю, – говорю, – какой такой ток? Что течет? Куда? Какой такой электрон? Первый раз слышу. Атом? Это еще что за зверь?..” Я не знаю, почему они кидались мне все это на полном серьезе с азартом объяснять. Может, очень правдоподобно притворялась? А может, это сидящая в ребенке страсть к учительству? Или просто они приняли правила игры?

НЕ ПОДВЕСТИ БЫ СВОИХ

В отличие от Вадима Федоровича Владимир Александрович задавал нам у доски дополнительные вопросы. На глубину понимания, видишь ли. После моей теоретической части он нарисовал на доске электрическую цепь, а мне надо было переставить что-то местами, чтобы лампочка зажглась.

Я стою – ни в зуб ногой (со схемами у меня всегда были нелады). Стыдно. Ведь подведу своих “учителей”. Владимир Александрович спрашивает, не хочет ли кто-нибудь решить эту схему за меня. И вдруг кто-то из моей группы бежит к доске и хватается мел. Кто же? Тот самый Пашка! И включает лампочку! Владимир Александрович теряет дар речи...

Наш учитель музыки Савельев закончил технический вуз, и ему было сложнее изображать искреннее невежество.

– На том зачете по географии я был непроходимо тупой. Не с Вадимом Федоровичем, конечно, а с детьми. Твоя моя не понимай. Как слепому объяснить, что такое небо? Детям приходилось подыскивать слова, которые бы меня убедили. Если мне говорят, что Земля, мол, состоит из земной коры, то я не даю договорить, из чего она еще состоит, а сразу спрашиваю, что такое кора, и так далее. Иногда это было слишком, и на меня обижались. Поэтому на зачете по физике я свой пародийный жанр оставил. И мое дремучее невежество принималось на веру.

С отметками на зачете по физике было так. Когда нам с Сергеем Евгеньичем поставили что-то хорошее, чуть ли не пятерки, Владимир Александрович вдруг и говорит:

– А у вас рука не дрогнет всем одинаковые пятерки в дневник поставить? Если не дрогнет, то сами и ставьте. А я против уравниловки.

Мы подумали-подумали: и правда, наши учителя разный вклад внесли в наше с Сергеем Евгеньевичем образование. Так что мы и отметки поставили разные: кому “пять”, а кому и “три”. Только вот пришлось чистоту образа нарушить. Что ж, на этот раз так.

СИСТЕМА УРАВНЕНИЙ... «НА ДРУЖБУ» В КЛАССЕ КОРРЕКЦИИ

*Письмо учительницы математики Светланы Пырьевой
(г. Курган, пос. Черемухово)*

В сентябре по семейным обстоятельствам мне пришлось перейти работать в другую школу. Естественно, на новенького мне достались классы, от которых другие учителя были рады отказаться.

Один из них, 7 “Д”, – класс коррекции. Впечатление было такое, что до 7 класса эти дети не учили математику вообще (не в укор учителям). Не хотели они ее изучать и в 7 классе. Было их 13 человек – все вспыльчивые, неуправляемые, матерщинники. Иногда мне казалось, что работаю не в обычной школе, а в колонии.

Казалось, что их никогда и ничему не научить. Никакие методы и приемы, в том числе и игровые, не работали с этими детьми. Если что-то и удавалось объяснить им на одном уроке, то на следующем все напрочь забывалось. Единственное, что могло их иногда заинтересовать, – так это задания на сообразительность, далекие от математики.

И тогда я махнула рукой на благие намерения научить 7 “Д” алгебре и геометрии и была вынуждена ограничиться формалистикой: организовать урок так, чтобы мы могли вытерпеть друг друга 40 минут.

И вот читаю про “диктант на дружбу” (см. Вып. 3 “Групповая работа на уроке”, с. 26–30). Захотелось испытать в 7 “Д”. Проходили мы с ними в это время решение систем линейных уравнений. Ну я и надумала очередной урок посвятить решению “системы уравнений на дружбу” с посыльными. На успех не рассчитывала, просто хотелось попробовать. Мысленно проигрывая ход урока, представляла, сколько выкриков и возмущений мне придется выслушать. Но все прошло так, как я и не ожидала.

Заранее подготовила карточки для посыльных: выбрала систему уравнений, записала ее решение, разбила ход решения на отдельные шаги, каждый шаг (от начала и до ответа) записала на отдельные карточки.

Начало урока. Сообщаю: будем решать “систему уравнений на дружбу”. Удивительно, но в ответ не последовало ни недовольных выкриков, ни вопросов.

Деление на группы прошло довольно спокойно, чего я тоже не ожидала. Правда, было предложение, чтобы мальчики работали отдельно от девочек, но потом согласились тянуть полоски бумаги. Получилось три команды.

Только Люба не захотела присоединиться к своей команде, ссылаясь на то, что у нее нет тетради и ей нечем писать. Но на нее напустились уже заинтригованные одноклассники, и она тут же с готовностью

сдалась. Тем более что и листочек протянули, и запасную ручку вручили.

Три команды разместились в конце класса – каждая за своим столом. Я около учительского стола. Предлагаю записать в тетрадях тему урока и девиз: “Один – за всех, и все – за одного!” Старательно пишут, никаких выкриков и вопросов, как будто так и надо.

Приглашаю по одному посыльному от каждой команды к учительскому столу. Кладу перед ними первую карточку, чтобы они за 10 секунд запомнили первую порцию и потом продиктовали своим командам.

В руках держу часы (но времени решила дать побольше: вдруг ничего не запомнят). Посыльные же раньше времени бросились к своим командам. Бегом! Удивительно: ведь установку бежать бегом я им не давала.

Диктовать то, что увидели в карточке, некоторые посыльные не стали. Сначала они то, что запомнили, написали в своих тетрадях, а потом остальные у них начали переписывать (в это время я заменила первую карточку на вторую).

Следующими посыльными уже хотели быть все! Пришлось регулировать очередь. Выходили по два раза (ведь в командах-то всего по четыре человека). Очередные посыльные бежали к командам, в командах переспрашивали, спорили, объясняли, доказывали друг другу...

По классу разносилось жужжание, как в улье. Класс работал!!! Через 20 минут тетради аккуратно, не закрывая, сложили в стопочки и обменялись между командами для проверки.

Объясняю, что каждому в тетради нужно будет поставить две оценки: первую – в треугольнике (за правильность решения), вторую – в кружочке (за дружбу). И снова я удивилась, потому что никто даже не спросил, как я ожидала: “А как это за дружбу?”

Проверяли с интересом, удивляясь ошибкам одноклассников. Обсуждали, сравнивали, спорили. Никто не отлынивал. Класс опять работал!!!

Подходить ни к кому не стала. Тетради снова складываем стопкой и передаем следующей команде, которая должна оценить правильность уже самой проверки. Для этого весь ход решения записываю на доске. Дети старательно переписывают в чужие тетради аккуратно-аккуратно. В классе тишина!

И вот третья оценка ставится в квадратике – за качество проверки. Проверяющие расписываются.

Работа закончена. Прошу все тетради, не закрывая, сложить на учительский стол.

До звонка оставалось еще пять минут, и я тут же при детях просмотрела все тетради. Дети облепили мой стол, и мы вместе пожинали результаты труда. Они – своего, я – своего.

Что я увидела в тетрадях?! В конце работы почти беспомарочную запись решения. Но – ошибок тьма. Я, собственно, другого и не ожидала. Этим детям очень трудно запомнить даже коротенькое линейное уравнение. А тут еще они в азарте бежали, торопились... В общем, большинство оценок были такие: за решение – “3”, за дружбу – “5”, за судейство – “4”.

Ругать никого не стала, поблагодарила за работу. Перенесла в журнал те оценки, какие ставили ученики друг другу за судейство.

Я была довольна уроком: пролетел моментально (думаю, и для детей), все работали, были заняты делом, никто не ругался и не возмущался.

Конечно, учителям, работающим в сильных классах, покажется бессмысленным проводить контрольное списывание уже готового решения. Но чем это хуже, чем привычное: один ученик пишет решение на доске, а остальные перерисовывают его каракули себе в тетрадки?

Конечно, методисты спросят: а что у вас за цель была, чего вы достигли и чему научили детей?

Разумеется, таким диктантом решать системы уравнений я этих детей еще не научила. Но этому я бы не научила их и на традиционном уроке. Зато они учились запоминать, воспроизводить увиденное, находить ошибки, работать сообща, помогать друг другу. А может, и еще чему-то...

Уже после звонка один из самых слабых и непослушных учеников – Юрка Фролов – обратился ко мне: “Давайте такую фигну делать каждый урок!”

ДИКТАНТ ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ, С УГЛУБЛЕНИЕМ, УСУГУБЛЕНИЕМ И ЗРИТЕЛЬНО-СЛУХОВЫМИ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯМИ

“Педагогическая страшилка” от Марии Ганькиной

Диктанты бывают разные: контрольный, проверочный, обучающий, предупредительный, зрительный, слуховой, свободный(!), творческий(!!), с заданием, с самопроверкой, с помощью ТСО(?)... Для маленьких же артистов кукольного театра все диктанты на одно лицо – Карабаса-Барабаса.

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖАНР

А ведь жаль, что диктант превращается в страшилку. И не только для детей, но и для учителей. Ведь и тем и другим, конечно, хочется, чтобы диктант был написан как можно лучше, да вот стрессовая ситуация все карты

путает. Как тут быть учителю? Понятно, что по слогам диктовать диктанты стыдно, и подсказывать стыдно, и ошибки потом тайком исправлять. А что делать? Допустим, класс вдруг по результатам оказался худшим. Но ведь это же не потому, что он такой на самом деле. А потому, что остальные-то учителя в своих классах именно чуть ли не по слогам диктуют. (Можно, конечно, и в отстающих ходить. Так детей жалко: учитель-то знает, что они не хуже других, но уж если повесят клеймо слабого класса – не отмоешься.)

Диктант для меня – это прежде всего работа с текстом. Одна из многих. А не единственно объективный, как это обычно понимается, показатель уровня грамотности ребенка. Ведь есть дети, натасканные писать диктанты довольно прилично и при этом совершенно беспомощные в свободном письме. Так что приличные отметки за диктанты не всегда имеют прямое отношение к практической грамотности. Скорее они свидетельствуют о натасканности писать определенного рода тексты в определенных условиях.

А что, если учиться писать *любые* тексты и в *любых* условиях? Это вроде и натасканностью не назовешь. И потом, если “любые” и “в любых” напишут хотя бы членораздельно, то уж “определенные” и “в определенных” – и вовсе прилично. К тому ж взаправду прилично, а не потому что привыкли с полпинка понимать вольные или невольные (но уж, конечно, из самых благих побуждений) подсказки родной учительницы.

Мне показалась дидактически здоровой и методически интересной мысль “изуковечить” традиционный жанр диктанта-страшилки.

ПОД ШЕЛЕСТ ФОЛЬГИ

На уроки русского в своем классе я стала приглашать разных других учителей-предметников с просьбой продиктовать тот или иной текст (на полстранички) как можно более невыразительным голосом. Тут пары костылей сразу мои дети лишились: мало того что к определенному диктору (манере) не успевали привыкнуть, так дикторы еще и бубнят себе под нос.

А время от времени мои ученики получали возможность почувствовать себя уж совсем экстремалами: в меру своей методической изощренности я изо всех сил создавала этим и без того нелегким контрольным работам суровый контекст. Бедные дети у меня и стоя писали, и под музыку. И под мое хихиканье, завыванье и всяческое мельтешенье. И даже под назойливый шелест фольги от шоколадки, которую я терзала у каждого над ухом... Так что можно было проводить дидактическое исследование на тему “Как закалялась сталь”.

Обычно после таких испытаний грамматическую интуицию человека уже ничем не смутить.

С ГРУЗИНСКИМ АКЦЕНТОМ

Наш любимый учитель музыки Сергей Евгеньич, популярный в народе еще и как непревзойденный рассказчик анекдотов (грузинских в особенности), был также однажды приглашен к пятиклассникам на урок русского языка – диктовать диктант... с грузинским акцентом.

Накануне Сергей Евгеньич очень волновался – все-таки первый раз в жизни диктовать! Для человека с инженерным образованием и трепетным (как и у всех у нас) отношением к контрольным и проверочным диктантам это была очень ответственная работа.

Начал он вдохновенно, прямо артистически (сразу видно, что репетировал): – Слушай, дарагой, буду дыктант гаварыг. Пагода биль хароший, да?.. Толка адын ма-а-алинкий такой Серый Щейка... *(Имеется в виду уточка под именем Серая Щейка из одноименного рассказа Мамина-Сибиряка.)*

Уж он и прицокивал, и причмокивал, и рукой перед носом махал...

Дети оторопели...

Писать начали не сразу – препирались. Выдвигали Сергею Евгеньичу свои требования. Мол, рефрен “слушай, дарагой” вслух не произносить (в уме можно, так и быть). Это прошло. А вот в конце фразы не ставить вопрос “да?” – не прошло. Сергей Евгеньич сказал, что это выше его сил...

Помню, то и дело раздавались отчаянные вопли: “Ну Сергее-ей Евгеньич, ну как по-норма-альному?!” Сергей Евгеньич принимался с жаром объяснять, и тут уж даже я – а я все ж таки когда-то пять лет в Грузии прожила! – так вот, даже я переставала что-либо понимать...

Помните, как Шура Балаганов из “Золотого тельца”, уже имея в кармане свои сколько-то там тысяч рублей для счастья, был пойман с поличным на трамвайной краже? Помните, как он кричал: “Я машинально, Бендер, я машинально”? Вот то же самое кричали мои дети, когда работы с “грузинским акцентом” после проверки соседом по парте плюс моей проверки этой проверки вернулись к хозяевам.

Впрочем, второй такой диктант прошел уже гора-аздо менее драматично.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

В какой-то момент по просьбе трудящихся было введено следующее правило: каждый имел право один раз во время работы (в какое – это он решал сам) подойти к исходному тексту, который лежал на стуле в углу класса, и заглянуть в него. Но глядеть можно ровно столько, сколько... сыплется песок в песочных часах, которые он сам же и переворачивал, подойдя к стулу.

Не звери ж мы, взрослые, все-таки! И эта возможность подойти к тексту и какое-то время поглядеть в него стала потом традицией для многих письменных работ.

Помню, время бурно обсуждалось. Договорились про одну минуту. Но как ее отследить? Если самому за секундной стрелкой наблюдать, то в текст смотреть некогда. Кое-кто набивался в “счетчики” – но это ж 20 минут урока (по числу учеников) на циферблат только смотреть! Когда же работать?..

И тут взгляд Саши упал на песочные часы на моем столе. Песок – он и есть песок. Сыплется две минуты. Без вариантов. “А давайте, кто хочет, два раза по минуте!” На том и остановились.

На изложениях, конечно, каждый использовал свое время полностью. Ну а на диктантках – подбежал, глянул, скорее понесся назад, чтобы не “расплескаться”...

КРОМЕ ПОЧЕРКА

Еще одна просьба трудящихся: чтобы диктанты почаще были “на дружбу”. Что ж, это понятно: в суровых условиях лучше держаться вместе.

Об одном из исходных классических вариантов “диктанта на дружбу” рассказал Вячеслав Букатов (см. вып. 3 “Групповая работа на уроке”, с. 26–28). У нас “на дружбу” означало, что в результате диктовки в группе из 4–5 человек у *всех в тетрадках все должно быть одинаковое*.

– И почерк?

– Кроме почерка, – сухо говорю я и, чтобы на корню пресечь торговлю на эту тему, сразу, без дальнейших объяснений шелкаю секундомером. – Время пошло!

Никто не спрашивает, какое время, на что время. С первого класса призывали, что раз шелчок секундомера, то оно пошло и с каждой секундой его становится меньше. Значит, надо подтянуть спинки, собраться с мыслями и договориться друг с другом. А то дело не получится сделать хорошо...

– Смотрите, у Лехи ошибка! Леха, ты куда спешишь? Надо одновременно с нами!

– Придется всем написать пЕрог, а потом исправить на И. Чур, зачеркивать слева направо и снизу вверх.

– Ребя, как пишется: прЕкключение или прИкключение?

– На каком слове перенос будем делать?..

– Ты что, так переносить нельзя, это ж не слог!
– Кать, что это у тебя за закорючка? Запятая? А здесь разве надо?..
– А что, у всех есть запятая? Да это же не сложное предложение, а однородные члены! Так, все рисуем запятую и зачеркиваем.

Вот эти разговоры-договоры – они очень важны для них. Это и есть подлинное “учить-ся” (учить себя).

Оценивается работа тоже “за дружбу”. По часовой стрелке (или против) команды переходят в соседнюю, сверяют работы соседей “на одинаковость”, договариваются об отметке, расписываются и возвращаются к своим тетрадкам.

Минута (не больше!) – на обмен недоумениями между командами. Если разговор конструктивный, то он продолжится и на перемене.

«И ВОТ ТУТ-ТО И НАЧАЛОСЬ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ»

*Письмо учительницы словесности Тамары Пакуловой
(ст. Горхон, Бурятия)*

Вотчаяние приходила от своего б “Б”. Даже диктанты с очень тщательной, как мне казалось, подготовкой писали очень плохо. Работа над ошибками утомляла всех, потому что ошибок было много и на самые разные правила.

В середине второй четверти пришла пора готовиться к контрольному диктанту. Но так не хочется портить настроение ребятам и себе плохими оценками!.. Я часто приношу на урок что-то “новенькое” (ребята потом сами просят: “А дава-айте...”).

И вот я раздала одинаковые листочки и стала диктовать. Диктант писали по четверкам. Когда он был написан, предложила всем аккуратно сложить свои листочки вдоль и разорвать на две части. Первые половинки остались у детей, а вторые я перемешала и вернула им для проверки. Каждому попала половинка из другой группы, то есть в группе из четырех человек не было ни одной своей второй половинки.

И вот тут-то и началось самое интересное. Все, приставив к чужой проверяемой половинке свою оставшуюся половину, читают первое предложение до точки, советуются, как писать то или иное слово или словосочетание, и начисто переписывают это предложение уже в контрольную тетрадь. В каждой группе находился ученик, который точно знал нужное правило или знал, как найти его в учебнике. В особо трудных случаях обращались ко мне: я называла только номер орфограммы, ответы они искали сами и записывали их в свои контрольные тетради.

Боже мой! Какую радость и покой на душе я ощутила, когда началась действительно самостоятельная работа, когда дети наконец начали добывать знания!

Я сидела за учительским столом и наблюдала, как работают мои шестиклассники. Рядом оказалась самая слабая группа, у меня была возможность видеть и слышать, как упорно они работали над каждым словом. Шептались, спорили (даже ругались), а потом соглашались, что вот этот вариант написания слова верный. В очень трудных случаях я шла на помощь, спрашивала: “Сдаетесь?” И когда они сдавались, чуть-чуть помогала им.

Нина предпочитала работать одна. Ей досталась половинка диктанта самого слабого ученика в классе. У Нины почерк крупный, а у Вадима очень мелкий, буквы слеплены так, что трудно разбираться. Конечно же слова совершенно не подходили по строчкам, и ей пришлось над диктантом покорпеть. Но в конце и она попросила помощь – напомнить последнее предложение.

Какие красивые чистовики я получила для проверки! Пятерок, правда, не было ни одной, семь четверок, девять твердых троек и ни одной двойки, что для этого класса и для меня – успех! Трое мальчишек обычно делали в диктантах до двадцати ошибок, теперь их было семь–девять. Заметила, что ошибки появились в конце чистовика – когда дети подустали. Работали полтора урока, на перемену “выгоняла”, но никто не ушел!

На второй день я снова раздала контрольные тетради, похвалив за чистый и красиво написанный диктант. Раздала каждому и их черновые листочки (обе половинки), попросив сверить написанное в контрольной тетради и на листочке. Попросила исправить другой пастой ошибки в листочке, выписать их в контрольную тетрадь и подсчитать, сколько бы ошибок у них было, если бы я сразу собрала листочки. Оказалось, что четверку получила бы одна Маша, троек было бы четыре, а остальные оценки – отрицательные.

Теперь ребята работали еще раз со своими разорванными листочками, исправляли ошибки, вспоминали, как правильно пишется слово. Правила вспоминали быстро, так как накануне славно потрудились над каждым словом. Работа над ошибками прошла быстро и почти самостоятельно. В журнале стояла оценка не за истерзаный листочек, в котором были ошибки, а за чистовую работу в контрольной тетради, поэтому ребята не боялись говорить: “А я сначала написал(а) с ошибкой!”

Работа с разорванными листочками помогла вспоминать текст, интонацию в предложении, деление текста на абзацы. Помогла понять, что если в следующий раз тебе опять могут достаться каракули соседа из первого ряда, то самому лучше писать почище, попонятнее, думать над переносами и вообще – стараться. Не только для оценки, а для того, чтобы твой текст было приятно взять в руки соседу. Всех положительных моментов, пожалуй, и не перечислишь. Главное – и ученик, и учитель проживали урок, а не присутствовали на нем. Ведь недаром же ребята спрашивают: “А разорванный диктант будем сегодня писать?”

«СДАЧА СТИХОВ НАИЗУСТЬ»

Мизансцены нескучного урока от Марии Ганькиной

Никогда не забуду эту мучительную процедуру – сдачу стихов наизусть. Помню, как покрывалась красными пятнами и забывала следующую строчку или строфу. Будь то на уроке, перед всем классом, или после урока, один на один с учителем. Правда, с глазу на глаз легче было получить пятерочку – угрожая учительнице приподнятым голосом. Перед классом же выражать на лице вдумчивый энтузиазм стыдно... Да и с глазу на глаз тоже стыдно!..

В соседней школе у меня есть знакомые восьмиклассники, которые деловито зарабатывают стихами халявные оценки по литературе. Только это у них теперь называется не мелодекламацией, а задушевым голосом. Чего изволите? Трагизму побольше? Пожалуйста. Светлой грусти? Нет проблем. Каков спрос – таковы и предложения. И никаких красных пятен на щеках.

Я не спешу упрекать их в цинизме. Я скорее рада за них. Ведь когда они на уроке в который раз слушают про то, как “белеет парус одинокий”, и при этом вынуждены хранить на лице вдумчивое выражение или после уроков стоят в очереди перед кабинетом литературы в ожидании вызова “на ковер”, то в конце концов надо же им как-то выживать! И выживать помогает игра. Но не надо забывать, что правила такой игры диктует все же учитель.

Впрочем, ему, учителю, тоже, наверно, тоскливо слушать много раз один и тот же текст. Если только он не упивается абсолютной безнаказанностью своего суда: “Ты хорошо прочитал. Пять. А ты – невыразительно. Три”.

Тем не менее учить стихи надо. Эрудиция, развитие памяти, литературного вкуса, экзамен в вуз... Это понятно. Что же делать? Как и себя, учителя, не мучить, и учеников озадачить, и литературный текст не убить?

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ

Если уж приниматься за контроль выученного наизусть, то не поточным методом и... не учителю. Этот вид контроля стоит доверить самим детям.

Вообразите: сидят ученики по группам, и в каждой одновременно идет неспешная работа. Ребята по очереди (как жребий выпал или как договорятся) рассказывают друг другу наизусть стихи. Конечно, повезло тому, кто будет рассказывать в группе последним: ведь пока выслушаешь троих (четверых, пятерых, а то и шестерых), пока обсудишь все нюансы, разумеется, стихотворение не только укладывается в голове, но и отшлифовывается.

Итак, один рассказывает, остальные слушают (причем могут, если захотят, смотреть в текст – это нормально). Слушают внимательно, поскольку им предстоит посоветоваться, какую оценку поставить чтецу. Судят, между прочим, придирчиво. Иногда даже строже, чем учитель. Но никто не в обиду: ведь каждому сейчас предстоит побывать и в роли “судьи”, и в роли “подсудимого”.

Учителю остается занести “детские” отметки в журнал.

Каковы же критерии оценки чтения наизусть? Они могут быть самыми разными. Например, насколько чтецу удастся не делать в стихотворных строчках равновеликих ударений (скандировать). Или: всегда ли он ставит интонационную точку в конце предложения. Их может задавать группам учитель. Но можно доверить детям самим договориться о параметрах оценки. Чем плох, например, такой: *чтобы чтец ни разу не запнулся*.

Учитель же, отдавший первую роль, может побродить между группами, понаблюдать. Очень интересно бывает. Если ученики *в действительности* заняты делом, то они не замечают учителя – работают себе и работают. Учитель же, уйдя в *свето-теневую позицию*, только тогда и начинает по-настоящему *видеть* своих учеников.

ПОДСКАЗЫ ТЕЛОМ РАЗРЕШЕНЫ

А если разучивать стихотворение прямо на уроке? Четыре группы примерно по пять человек. В каждой группе на столе – текст стихотворения, “отксеренный” или в книжке. Учитель дает три минуты (три пишем, пять в уме), чтобы группы могли прочесть стихотворение раз-другой и кое о чем договориться.

Затем в каждой группе кидается жребий. Тот, на кого он пал, должен (кошмар!) рассказать стихотворение наизусть. От того, насколько точно он расскажет, зависит оценка всей группы. А слушатели-оценщики – соседняя группа. Группы считалочкой устанавливают, какая из них выступает первой, а какая оценивает (не беспокойтесь, потом они поменяются ролями).

Одна парочка групп ищет себе место в классе, чтобы не мешать другой парочке. И вот чтец, запомнив в лучшем случае десятую часть стихотворения, да и то через пень-колоду, выходит на лобное место, набирается духу, вздыхает поглубже и начинает-таки рассказывать стихотворение. Как же это возможно?

Хитрость в том, что группа имеет право подсказывать своему чтецу. Подсказывать как угодно, но только не написанием слов (ни на бумажках, ни в воздухе пальцем) и не проговариванием их (одними губами, например). И конечно, никаких подсказов звуками. Только телом. Можно махать руками, изображать все что угодно. Но, чур, не сходя с места, возле своего стула. Таковы правила.

Если участники группы за те три минутки (а пять в уме) успели договориться между собой о каких-то условных знаках, жестах по тексту стихотворения, то это, конечно, упрощает дело. Подсказывают все кто во что горазд. Ну а на кого смотреть чтецу – дело его личных пристрастий. Оценщики же, в свою очередь, смотрят в оба (тоже, видимо, предварительно договорившись, кто за кем), чтобы правила подсказов блюлись неукоснительно. За каждое нарушение начисляют штрафные очки.

Вот таким манером класс выучил наизусть “Меркнут знаки Зодиака” Николая Заболоцкого. Длинное стихотворение, если помните. И чтецам надо было прочитать его по возможности плавно, не разрывая текст на куски (это тоже учитывается оценщиками при выставлении отметки). При таком разучивании, конечно, хохота много – “толстозадые русалки” одни чего стоят.

Тексты? Текстом могли пользоваться все, кроме, разумеется, чтеца. Но текст – один на группу. Приходится ухватывать взглядом и изображать сразу целые куски текста. И не только чтец, стоящий на “лобном месте”, невольно запоминает стихотворение, но и сами суфлеры.

Когда телом пытаешься выразить смысл слов, словосочетаний, предложений – тут всплывает какое-то другое понимание. Вдруг какие-то слова открываются с неожиданной стороны. Вообще посмотреть со стороны на то, что происходит в классе, – “дурдом”. Одни “психи” молча и с энтузиазмом кривляются, а на них пристально смотрят два других “психа” да еще при этом одновременно что-то поют тоненькими “инопланетными” голосами (чтобы “не порвать” фразу и успеть понять очередную подсказку одногруппников, чтецам приходилось тянуть гласные и, выходит, почти что петь)...

Таким же образом мы учили девятую песнь “Одиссеи” Гомера. Это было еще круче – как-никак гекзаметр.

*К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В дальнем, у самого моря стоящем утесе нещеру,
Густо увитую лавром, где простирался
Мелкий во множестве скот...*

Вера, стоя на “лобном месте”, делала все, что могла, напевно растягивая “пещеру”, на которой, по всему виду, прочно застряла: *...пеще-е-е-е-еру...*

Лешка между тем, пытаясь изобразить “пещеру, густо увитую лавром”, и страшно довольный своей идеей, схватил со стула куртку, натянул ее на голову, руки обмотал рукавами и завис над портфелем...

Вера взглянула на Лешу и безмятежно продолжила:

...густо одетую куртками...

Хохоту было!

В школьной газете, которую класс выпустил-таки к концу года, были такие рубрики: “Самое страшное”, “Самое смешное”, “Самое поучительное”, “Самое удивительное”, “Самое серьезное”, “Самое любопытное” из того, что произошло за год. Так вот, удивительно то, что одна фраза умудрилась попасть во все эти, казалось бы, такие разные рубрики. Вот она: “Как Никита с Марией Владимировной показывали телом Одиссея”.

«ПРОВЕРЯЙ, НО... ДОВЕРЯЙ»

*Из письма учительницы химии Елены Кадужиной
(г. Зерноград Ростовской обл.)*

...Подписанный листочек ученики разделили на шесть секторов, пронумеровали их. Я читала задания, десятиклассники записывали ответ, обозначая каждый раз свое авторство, и передавали листок соседу.

Да, чуть не забыла. Для отработки механизма передачи послания из рук в руки пришлось специально отвести время. Испробовав различные способы, наиболее оптимальным признали такой: первый вариант передает свои творения сидящим сзади, второй вариант – сидящим впереди, а первая (последняя) парта как замыкающая цикла – сосед соседу.

Работали ребята с воодушевлением, слышны были призывы писать аккуратно, не задерживать друг друга. В конце листочек вернулся хозяину. Следующий этап, проверка, вызвал недовольство у слабых учеников: “А как я буду проверять?” Очень просто. По ходу диктовки я кратко записывала задания на доске:

1. Общая формула карбоновых кислот.
2. Функциональная группа альдегидов.
3. Структурная формула этанала.
4. Структурная формула бутановой кислоты.
5. Гомолог бутановой кислоты.
6. Изомер бутановой кислоты.

Итак, читай, сверяй, находи ошибки, ставь оценку. Результаты проверки были многообещающими – в основном “4” и “5”. Только Алена огорчена: на своем листочке вывела “2”.

– Елена Федоровна, что же, эта двойка мне в журнал пойдет?

– А ты на этом листочке что делала? Проверяла? Вот качество твоей проверки и будет оцениваться.

А потом пошли следующие пять заданий, которые каждый выполнял уже на одном и том же своем (именном) листочке:

7. Дать название веществу, формула которого записана у вас под № 5.

8. Сделать дырку в секторе, где записана формула уксусного альдегида (№ 3).

9. Зачеркнуть формулу вещества, имеющего название 2-метилпропановая кислота (№ 6).

10. Если это возможно, в каждом секторе обвести кружочком карбонильную группу атомов ($C=O$).

Затем все сдали свои работы, и я сообщила, что для первого случая перепроверять работы буду сама, учитывая при этом следующее. Не исправил на своем поле ошибку – *минус*. Сколько ошибок под твоим автографом на других “территориях”, столько минусов получаешь дополнительно. В итоге учительская оценка получилась весьма комплексной.

А Алена, умница, поработала на “5”: и листочек проверила тщательно, и на чужих полях “опечаток” не сделала.

Для меня перепроверка работ оказалась довольно кропотливым делом. Но результат оправдывал издержки. Ребята увидели, что существуют нестандартные ситуации, поэтому так важно всегда отвечать за свои поступки и объективно оценивать работу (как свою, так и одноклассников). А то некоторые недалёковидные ученики, напрямую увязав оценку в журнале с оценкой за коллективный труд, на своем листочке решили подтасовать факты, “не заметив” ошибок. Урок и для учителя: доверяй, но проверяй. Хотя мне больше нравится так: проверяй, но... доверяй!

Ситуация, когда личное творчество становится достоянием многих, стала испытанием характера для слабонервных. Я наблюдала, как с первой парты листочки отправился в путь с верно выполненным заданием (формула этаноля $CH_3 - C(O)H$), а после странствий формула оказалась исправлена на C_2H_5OH . Советую пострадавшим учиться доверять своим знаниям, а не авторитетному мнению соседа.

Еще мне понравилось то, что был выдержан темп урока. При фронтальной письменной контрольной работе ученики всегда умудряются выпросить “ну еще немножечко времени”, а здесь сама обстановка задавала четкий ритм, который пошел всем на пользу.

ВМЕСТО ЗУБРЕЖКИ

Как “сдать” таблицу умножения и таблицу Менделеева без слез (совет от московской учительницы Марии Егоровой)

Этот методический прием родился из таблицы умножения. Потом стал возрастать в другие предметы и вообще зажил отдельной жизнью.

Итак, доброволец выходит к доске и попадает под перекрестный опрос. Ребята, заглядывая в тетради, задают ему примеры из таблицы умножения. Кто и в какой очередности спрашивает, решает человек “на перекрестке”. Тем, что показывает пальцем на избранника.

За одну минуту смельчаку у доски надо выдать как можно больше правильных ответов. Тем временем “счетчик” (его тоже назначает вызвавшийся: видно, именно ему он доверяет учет и контроль) отмечает на доске правильные ответы. Ставились рекорды: рекорды урока, недели, месяца.

И вот еще что. Рискнувший “выйти на перекресток”, сам определяет круг вопросов. Либо ограничивается таблицей, например, “на пять” или “на восемь”. Либо заказывает несколько столбиков, в которых наиболее уверен. Либо же ограничивает стилистику вопросов: например, нельзя спрашивать “42:7”, а только “6х7”. Или можно задавать вопросы типа “на какое число надо умножить 6, чтобы получилось 42?» (это уже уравнение, но именно так надо знать таблицу умножения).

Таким же образом можно устроить сдачу любой таблицы по любому предмету: по химии, биологии, истории.

На уроке английского языка “перекресток” может выглядеть так. Выходит человек. Ему бросают слова, русские или английские, а он соответственно переводит. Кто больше за минуту. Тоже счетчик у доски.

“Перекресток” можно использовать и на уроках русского языка. Допустим, зрители говорят слово с безударной гласной в корне, а “на перекрестке” называют проверочное. Или звучит словарное слово, а “на перекрестке” его проговаривают по буквам (только время тогда надо увеличить). У спрашивающих, таким образом, и зрительная память работает, и слуховая. Задавая словарное слово, лишний раз глянуть на него, а затем услышать его правильное “написание” – это ж как полезно!

Есть один тонкий момент. У ребят, конечно, может возникнуть искушение задавать друг другу легкие вопросы (например, чтоб выручить кого-то из друзей или кому-то понравиться). Но если в классе царит нормальная атмосфера сотрудничества, а не натаскивания, то ученики обычно очень хотят “выйти на перекресток” и сдать по-настоящему, взаправду. Проверить свои силы. И не важно: “перекресток” – это обычный опрос, или контрольная работа, или подготовка к ней, или форма зачета. Поддавки – это в любом случае оскорбительно. И здесь уже заслуга учителя, если такое мнение бытует в классе.

* * *

УДК 371

ББК 74.200

Б90

Общая редакция серии “Воспитание. Образование. Педагогика”: *М.Н.Сарпан*

Букатов В.М.

Б90 Школьные контрольные: режиссура школьной повседневности в невыдуманных рассказах, неожиданных советах и нескучных рекомендациях / Вячеслав Букатов, Мария Ганькина. – М.: Чистые пруды, 2006. – 32 с. : ил. – (Библиотечка “Первого сентября”, серия “Воспитание. Образование. Педагогика”. Вып. 5).

ISBN 5-9667-0235-7

Очередной выпуск предлагает нетривиальные способы подготовки и проведения различных видов контрольных работ, в том числе устных и письменных зачетов, диктантов, мини-контрольных.

Материалы направлены на предупреждение и избавление учителей и учеников от случающихся болезненных реакций на проведение очередной контрольной работы.

УДК 371

ББК 74.200

Учебное издание

БУКАТОВ Вячеслав Михайлович,
ГАНЬКИНА Мария Владимировна

ШКОЛЬНЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ

**Режиссура школьной повседневности
в невыдуманных рассказах, неожиданных советах
и нескучных рекомендациях**

Корректоры *Е.М. Литвиненко, Т.В. Козлова*

Рисунки *Е. Двоскина*

Компьютерная верстка *Н.Ю. Кононенко*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.

Подписано в печать 24.08.2006

Формат 60х90^{1/16}. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, 24, Москва, 121165

Тел. (495) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Раменской типографии

Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 40100

Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 5-9667-0235-7

© ООО «Чистые пруды», 2006